

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ТИМ
СЕВЕРИН

САКСОНЕЦ
СЛОН
ИМПЕРАТОРА

Москва
2016

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
С28

Tim Severin
SAXON: THE EMPEROR'S ELEPHANT
Copyright © Tim Severin, 2013

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Северин, Тим.

С28 Саксонец. Слон императора / Тим Северин ; [пер. с англ. А. В. Гришина]. — Москва : Издательство «Э», 2016 — 384 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-88535-0

Когда величайший из владык Западного мира решает наладить дипломатические отношения с могущественным правителем Востока, он делает поистине королевский жест. Карл Великий решает отправить в подарок Харуну ар-Рашиду самых удивительных животных, которых только возможно найти в его владениях: огромного тура, белых медведей и — диковина из диковин — легендарного единорога. Конечно, всех этих существ надо сперва раздобыть, но для этого у короля есть верные слуги. Чуть разыскать редкостных зверей и доставить их через полмира, из Ахена в Багдад, выпала Зигвульф, саксонскому принцу без королевства...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Гришин А.В., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88535-0

ПРОЛОГ

Ахен, 793 г.

Все считают, что это — часть разбитого человеческого черепа. Белая кость, выгнутая, как тарелка, судя по ее малой толщине, могла бы принадлежать мертвому ребенку. Писцы королевской канцелярии, проходившие мимо моего стола, смотрят на нее с отвращением и стараются держаться подальше. Возможно, они полагают, что это скорбный сувенир, привезенный мной из злополучной кампании против сарацин, которую король Карл предпринял пятнадцать лет назад. Они знают, что я участвовал в этом неудавшемся походе и, хотя был ранен, все же вышел живым из страшной засады, в которую попал арьергард его армии во время отступления через горы. Если писцы думают, что меня спасло мастерское владение мечом, то они ошибаются. Истинной причиной была моя дружба с сарацинами, завязавшаяся, когда я жил среди них и сумел завоевать их доверие, несмотря на то что был шпионом.

Без сомнения, они удивляются и тому, что сам король продолжает время от времени сове-

товаться со мною, пренебрегая даже своим королевским советом. Знай они, что их христианнейший, благочестивейший правитель Карл верит, что сны могут указывать верный путь в будущее, они удивились бы еще сильнее. Он спрашивает моих советов потому, что я давно уже известен как толкователь снов и сновидец. И все же мне все меньше и меньше хочется давать Его Величеству четкие ответы. Из опыта я усвоил, что, хотя сны редко обманывают, они могут указывать на ложный путь. И когда истина в конце концов раскрывается, потрясение бывает еще сильнее. В год, предшествовавший Испанской кампании, я видел во сне, как гигантский Карл, сидевший на своем боевом коне, плакал кровавыми слезами. Я не имел никакого представления о том, что это было предзнаменование потери трети его армии и гибели в этой самой злокозненной засаде его любимого племянника и моего покровителя графа Хруодланда. И даже если бы я предвидел то, что должно было свершиться, изменить будущее я все равно не смог бы.

Так что, когда сновидение позволяет мне заглянуть краем глаза в будущее, благоразумнее всего бывает придержать язык.

Но и обращение к прошлому требует таких же предосторожностей. История, которую я намереваюсь записать, касается событий не только секретных, но и сохраненных в тайне от Карла, пребывавшего тогда здесь, в Ахене. Узнай он о том, что я скрыл от него, меня, несомненно, ждет немилость. Вот почему я решил придать своим записям форму заметок о путешествии в отдаленные малоизвестные страны. И поэтому положил на стол, на видное место, белый, как кость, черепок с неровными обломанными краями. Народ опасается приближаться к обломкам черепов. Хотя мой-то обломок — совсем не то, чем кажется! Зато он оберегает исписанные мною листы от нескромных глаз.

ГЛАВА 1

Скандинавия

Я лежал ничком на сырой земле, стараясь не обращать внимания на дергающую боль в левом плече. Рана, оставленная васконским копьем, вполне зажила, оставив лишь рельефный шрам, но смена времен года неизменно пробуждала глубоко затаившуюся боль. А влага, постепенно впитывавшаяся из листьев в одежду, еще сильнее усугубляла мое и без того неприятное положение. Ни звука, лишь стук капель да журчание струек воды, изредка сбегавших из дубовых крон, которые непрерывно поливал мелкий морозящий дождь, нарушали тишину. Хотя время уже склонялось к полудню, в лесу, под высокими деревьями, было мрачно и промозгло. Буйная весенняя листва не пропускала солнечный свет, и воздух внизу, под деревьями, был насыщен запахом прели. Прямо передо мною, над полянкой шагов тридцати в поперечнике, открывалось небо. Когда пробегающие по нему тучи открывали солнечный лик, на свежей траве ярко блестели дождевые капли, придававшие ей особенно чистый, манящий вид. Но впечатление было обманным.

Середины у поляны просто не было. В середине была яма длиной в десять шагов и шириной в пять, а глубиной в рост высокого человека, с отвесными краями, которую покрывали набросанные крест-накрест тонкие ивовые прутья. А поверх них лежала сплетенная из таких же прутьев легкая крышка-решетка. На нее землекопы насыпали тонкий слой почвы, имитировавший твердую землю. А точно в центре крышки-ловушки лежала кучка покрытых свежей листвой веток, срезанных с кустов, которые считались любимым лакомством зверя, — приманка.

Очень медленно я поднял голову и посмотрел налево. На расстоянии вытянутой руки от меня устроился Вульфард, главный королевский егерь. В кожаных шоссах и камзоле, окрашенных в цвет жухлой травы и вдобавок перепачканных грязью, он был почти незаметен в облюбованной им неглубокой впадинке. Даже его закаленное непогодами и потемневшее от постоянного пребывания на открытом воздухе лицо цветом почти не отличалось от прошлогодней палой листвы. Голова с коротко стриженными седеющими волосами была непокрыта, темно-зеленая шляпа с одним-единственным орлиным пером лежала рядом. Почувствовав мое движение, он обернулся. Светло-карие глаза блеснули желтым, как у хитрого лисовина, а каменное выражение лица ясно дало понять, что мне надлежит хранить полную неподвижность так долго, как он сочтет нужным. Иначе пойдут прахом две недели, которые мы затратили на подготовку к охоте на зверя: поиск наилучшего места для ловушки, яма, которую пришлось выкопать с поистине умопомрачительной скоростью, огромная куча земли, которую пришлось отнести далеко в сторону, и, наконец, тщательная уборка всех следов пребывания здесь людей. Рабочие закончили свои дела перед самым рассветом и сразу же покинули эту отдаленную часть леса. После их ухода Вульфард прикинул вероятное направление утреннего ветерка, а потом разместил на поляне наблюдателей. Всего нас было трое. Мы с Вульфардом расположились с наветренной стороны, а его сын Вало — справа от нас на расстоянии броска камня. Оттуда

он мог наблюдать за направлением, с которого мы ожидали появления зверя. Вало должен был отпугивать всех крупных зверей, которые могли бы провалиться в нашу ловчую яму. Мы вовсе не хотели, чтобы сквозь хлипкую крышку провалился олень или кабан. Нам нужна была только одна добыча: сам зверь, или ничего.

Я расслабился, опустил голову на согнутую руку, а потом и прикрыл глаза. Мы лежали в ожидании уже шестнадцать долгих, скучных и очень утомительных часов, но ничего так и не произошло. Эту тварь никто еще не видел живьем. Мы полагались на сообщения о следах в мягкой земле, об отпечатках копыт, превосходящих любое известное животное. Егеря замечали сучки сломанных веток на высоте в семь, а то и восемь футов над землей: расщепленные обломки в этих местах были смяты, а кора содрана. Самым же верным признаком реальности существования зверя был его помет. Большие кучи в изобилии содержали непереваренные листья и щепки, что помогло Вульфарду предположить, чем питается животное, и составить план его поимки живьем. Скептики смеялись и уверяли нас, что мы попусту потратим время. Дескать, неведомый зверь — это всего-навсего зубр-переросток из рода крутолобых, злобных диких быков, встречающихся в этом лесу. Зубры попадались в этих землях нечасто, однако их было достаточно для короля, который страстно любил охоту и убивал одного-двух рогатых красавцев каждый сезон. Удача всегда приводила его в доброе расположение духа.

Но Вульфард решительно отметал все сомнения в существовании диковинного зверя. Он ссылался на отставного лесника, умершего уже лет пять тому назад, который некогда уверял его, что гигантский зверь и еще несколько ему подобных отступили в самую глубь и глушь леса и до сих пор живут там.

Громко хрустнула ветка — звук донесся с дальней стороны поляны. Я встрепенулся, поднял было голову, но тут же вспомнил указания егеря и застыл на месте. К нам приближался олень. Вернее, оленуха, настороженно сту-

павшая по тропе прямо к яме. Судя по непропорционально большому животу, ей вскоре предстояло произвести на свет детеныша. Выйдя на край поляны, она замерла. Сразу же после этого я заметил движение справа. Вало, облаченный в такую же темно-зеленую одежду, как и его отец, поднялся на ноги и беззвучно взмахнул руками. Оленуха заметила его не сразу, но уже через мгновение осознала опасность, резко повернулась и помчалась обратно в лес по той же тропе, по которой пришла. Вало бросил короткий взгляд на отца, явно рассчитывая на его одобрение, а затем снова лег и исчез для меня из виду.

Я с облегчением вздохнул. Меня раздражало то бессердечие, с которым наши рабочие дразнили Вало. Он, впрочем, был очень удобной мишенью для насмешек. Руки и ноги у него были слишком короткими по сравнению с телом, а вечно приоткрытый рот и полузакрытые глаза на круглом, как полная луна, лице создавали впечатление, будто он в любой момент, даже на ходу, готов уснуть. К тому же говорил этот парень медленно и не очень внятно и порой мог высказать что-нибудь такое, чего можно бы ожидать услышать от восьмилетнего ребенка, а не от взрослого мужчины. Определить возраст Вало по его внешнему облику было довольно трудно. Я предполагал, что ему лет двадцать пять. Вульфард защищал сына от всего на свете и однажды с яростной бранью набросился на человека, который сказал, что Вало слишком прост для того, чтобы быть хорошим дозорным. Королевские егеря втихомолку ворчали, что за такое оскорбление заботливый отец может и прибить наглеца. Однако он всего лишь велел сыну собираться на охоту. Я же опасался, что, если Вало не справится с сегодняшним делом, окружающие вообще сживут его со свету своими насмешками.

Потом, видимо, задремал, потому что очнулся от басовитого хриплого ворчания. Звук был настолько мощным и низким, что отдавался, кажется, даже у меня в груди. Никогда прежде мне не доводилось слышать ничего подобного, однако можно было безошибочно определить в этом звуке вызов и угрозу.

Не в силах совладать с собой, я осторожно повернулся и посмотрел назад. Тому, что я увидел, можно было бы ответить место в ночном кошмаре.

Позади нас, шагах в тридцати, стояло под деревьями огромное животное. Понять, как такому массивному и могучему созданию удалось подойти к нам совершенно беззвучно, было невозможно. Оно застало врасплох даже Вульфарда, самого опытного и осторожного из королевских охотников.

Мы устроили ловушку для зверя, а он поймал в ловушку нас. В холке этот лесной великан превосходил ростом самого высокого жеребца. Тело его, покрытое жесткой черно-бурой шерстью, бугрилось мощными мышцами. Животное являло собой гротескное подобие тех быков, которых я, еще ребенком, видел на фермах. Но те были домашними, медлительными и спокойными, приученными ходить в упряжке. А животное, неподвижно застывшее совсем рядом с нами, было крупнее, сильнее, враждебнее и несравненно опаснее. Я с испуганным восхищением разглядывал его рога. Они торчали у него из лба долгой, обращенной вперед дугой размером в половину моей руки, резко загибались вверх и заканчивались смертоносными остриями. Их предназначением было протыкать, рвать и отбрасывать труп жертвы в сторону. Это было настоящее орудие убийства.

В моем сознании само собой всплыло название этого чудовища. Лесник, с которым разговаривал Вульфард, называл его туром и первобытным быком — лучшее название для пережитка древних эпох, когда по лесам бродили самые разнообразные громадные твари. Я же никак не предвидел того, что монстр, по праву носящий такое имя, может и на самом деле предъявить права на свои исконные владения.

Зверюга снова звучно фыркнула — еще громче, еще агрессивнее, чем прежде, и с еще сильнее выраженным вызовом. Животное чувствовало наше присутствие. Мы были для него непрошеными и нежелательными гостями, а тщательно выбранное нами место для ловушки оказалось совершенно неверным. Мы рассчитывали, что тур подойдет

с противоположной стороны поляны, с наветренного для нас направления. Но зверь зашел к нам сзади, почуял наше присутствие и теперь решил выяснить все досконально. Так что в ловушку попали мы.

Тур сердито дернул головой, вскинув в воздух огромный ком пенящейся слюны.

Внутри меня все похолодело. Я настолько испугался, что не был уверен, что у меня хватит сил подняться на ноги. В этот миг я полностью утратил соображение и даже подумал было, что, если я буду лежать неподвижно, ужасный зверь не заметит меня.

Но тут бык снова мотнул головой из стороны в сторону, демонстрируя в качестве очередного предупреждения огромные рога, и я увидел его глаза, разглядел бешеный, обжигающий взгляд, белую кайму вокруг темной поблескивающей середины. Нет, рассчитывать на то, что чудовище оставит нас в покое, решительно не приходилось.

Я находился так близко от него, что видел, как пузырилась влага в трепещущих ноздрях тупого черного рыла жуткого зверя. Тур снова яростно фыркнул и еще раз угрожающе повел рогатой головой, а потом топнул ногой. Его копыто оставило в мягкой земле глубокую борозду, после чего чудовище опустило голову, изготовившись к нападению.

В этот миг Вульфард спас мою жизнь. Он был или очень смел, или очень глуп.

— Зигвульф, не шевелись! — хрипло выкрикнул он и вскочил на ноги, успев подхватить с земли шляпу. Обернувшись к туру, мой спаситель махнул перед ним шляпой и пару раз подпрыгнул, проорав что-то нечленораздельное. Затем он развернулся на месте и со всех ног кинулся к ловчей яме.

Я и подумать не мог, что громадное животное способно двигаться так быстро. В первое мгновение тур застыл было на месте, а в следующее уже подобрал могучий круп и ринулся вперед, низко опустив голову: его ножищи мелькали, сливаясь в одно пятно. От топота копыт земля подомною задрожала, а затем животное, обдав меня затхлым

духом, промчалось мимо того места, где я лежал, оцепенев от ужаса. Мое сердце успело стукнуть лишь раз, а тур уже нагонял Вульфарда, пытавшегося спастись от его смертоносных рогов.

Егерь выбежал на поляну. Здесь, на открытом месте, ему было совершенно негде укрыться. И все же он сохранял хладнокровие. Когда до края ямы оставалось не более трех шагов, он мельком оглянулся через плечо и в самый последний миг метнулся в сторону. Тур в своем оголтелом разбеге не смог резко остановиться или свернуть и промчался мимо.

Как только громадное животное наступило на плетенку, покрытую тонким слоем дерна, она провалилась под тяжестью огромной туши. Обломки веток и комья земли разлетелись по сторонам, а взревевший от ярости гигантский зверь оказался в яме.

Возможно, Вульфард не точно учел местонахождение лопушки или недооценил длину рогов быка. Когда тур падал, егерь покачнулся и замешкался на краю ямы. С невероятным для столь гигантского существа проворством чудовище еще на лету извернулось, и острие его правого рога пронзило куртку егеря чуть ниже подмышки. Вульфард, замерший было на краю ямы, рухнул вниз, к разъяренному зверю.

Еще не придя в себя, я неуверенно поднялся, подбежал на дрожащих от пережитого страха ногах к яме и, остановившись на краю, осторожно заглянул вниз. Вульфарда уже ничто не могло спасти. Он провалился между стенкой ямы и боком тура и умудрился подняться на ноги за его могучим крупом. Но вне досягаемости рогов он пробыл лишь короткое мгновение: разъяренный монстр непостижимым образом повернулся, и я увидел, как он вонзил рог прямо в грудь охотника. Рог проткнул Вульфарда насквозь, как вертел — приготовленного для жарки поросенка, и острие вышло у него из спины. Яростно махнув головой, тур подбросил несчастного высоко в воздух. Тело егеря перевернулось и снова рухнуло в яму. Огромный бык подхватил его на оба рога и подбросил еще раз. За эти мгновения он так страшно изувечил несчастного егеря, что мне оставалось

лишь молиться, чтобы тот поскорее встретил смерть. Тур же снова и снова подхватывал рогами свою жертву и подкидывал ее вверх. Повторив эти безумные смертоносные выпады несколько раз, чудовище позволило тому, что только что было человеком, рухнуть в грязь на дно ловчей ямы. Затем, к моему ужасу, бык попятился, насколько позволяла теснота в яме, опустил голову и снова проткнул мертвое тело рогами. Подняв останки Вульфарда как некий ужасный трофей, лесной великан принялся мотать головой из стороны в сторону, словно терьер, расправляющийся с пойманной крысой. Терьер при этом рычал бы от ярости, тур же оглушительно ревел в гневе и отчаянии.

Лишь когда изуродованное тело Вульфарда превратилось в кровавое месиво, тур, наконец, уронил свою жертву в истоптанную грязь, и его яростный рев стал мало-помалу стихать. Я видел сверху, как раздувались и опадали бока животного. Затем зверь поднял огромную голову и устремил на меня безумный, ненавидящий взгляд окаймленных белым глаз.

Какое-то время я ничего не соображал, а потом осознал, что на противоположной стороне ямы стоит Вало. Он тоже наблюдал сверху за ужасной смертью отца. По его лицу бежали слезы, и он трясся всем телом. На мгновение я испугался, что Вало сейчас прыгнет в яму, чтобы достать останки отца или попытаться отомстить его убийце. Но он не сделал ничего подобного, и лишь когда рев быка наконец смолк, запрокинул голову и сам испустил ужасный, прерываемый рыданиями боли и отчаяния вой, далеко разнесшийся по округе.

ГЛАВА 2

В королевскую канцелярию меня вызвали тремя неделями раньше. Едва в куполе Ахенской базилики успел зазвонить колокол, созывавший на вечернюю службу, как в мою дверь постучал встревоженный с виду молодой писец с кроличьими зубами. Он мямлил, запинаясь и смотрел в землю,

а не на меня, потому что я не успел надеть повязку, которую обычно ношу, оказываясь на людях. И франки, и мои соплеменники-саксы верят, что глаза разного цвета у человека — это личная метка самого повелителя зла. У меня же один глаз голубой, а другой — зеленовато-карий. Это небольшое отличие от других людей спасло мне жизнь, когда, в бытность мою подростком, король Уэссекса Оффа захватил крохотное королевство, принадлежавшее моему роду. Моих отца и братьев Оффа убил, но мне сохранил жизнь, опасаясь навлечь на себя несчастье этим убийством. Вместо этого он выслал меня из своей страны ко двору короля франков, самого могущественного из правителей Европы, чьи владения сегодня простираются от побережья Атлантики до темных лесов за Рейном. Мое изгнание было обставлено суровыми условиями. Оффа рассчитывал на то, что я испытаю все тяготы и печали положения *winelas guma*, как у нас называют человека без друзей, являющегося добычей для каждого, кто пожелает причинить ему любой вред или, допустим, заставить работать на себя. Но, как ни удивительно, я не только уцелел, но и преуспел. За службу во время Испанского похода я был вознагражден ежегодным денежным содержанием и получил в дар домик на краю королевского квартала.

Юный гонец, топтавшийся у порога, дал мне также понять, что не хотел бы входить в дом. Причиной этому, решил я, служил всем известный факт, что я делил свое жилье с чужеземцем довольно зловещего облика. Благодаря смуглой сарацинской коже, ироничным манерам и хромой искривленной ноге Озрик внушал опасение правительственным канцеляристам и служил для них постоянным предметом застольных сплетен. Когда-то этот человек был рабом: мой отец купил его, когда я только-только появился на свет. Теперь же он был моим другом и доверенным компаньоном.

Я вернулся в дом, надел на глаз неизменную повязку и взял тяжелый плащ, достававший мне до самых щиколоток. В этот поздний час жаровни в канцеляриях наверняка должны были догореть и погаснуть, а ее помещения слави-